

ПЬЕСА «НА ДНЕ» — наиболее известное драматическое произведение М. Горького. Написанная 70 лет назад, она, как и всякое явление подлинного искусства, вызвала немало споров, которые не утихают до сих пор. Пьесе посвящено огромное количество литературы, причем авторы — театральные критики и литературоведы — по-разному толкуют и сам текст, и горьковские комментарии к нему, и специфические интерпретации произведения.

Все это еще более усиливает наш интерес к новому спектаклю Омского театра драмы.

Работа над классическим произведением, как никакая другая, позволяет коллективу показать свои творческие возможности. В этом спектакле мы видим прежде всего целую галерею блестящих актерских работ. И первый, о ком хотелось бы поговорить, — это Лука в исполнении народного артиста РСФСР Б. Каширина.

Сценическая история знаменитой горьковской пьесы знает разные решения этого образа. И большинство литературоведческих споров сосредоточивалось именно вокруг Луки, в нем совершенно справедливо усматривали ключ ко всему произведению. Было время, когда о Луке писали, как о лживом утешителе, лицемере, который лишь обманывает людей, внушает им вредные иллюзии, отвлекает от борьбы и т. д. и т. п. Но мы знаем также, что великий артист И. М. Москвин, который сорок лет исполнял роль Луки, говорил, что когда Горький писал Луку, «он не то что не сумел сделать его вредоносным утешителем, но и не хотел» (подчеркнуто Москвиным). Москвинская традиция живет на театральных подмостках и по сей день. Об этом говорят спектакли, появившиеся в период, когда отмечался столетний юбилей великого писателя. Например, Кировский и Горьковский драматические театры, московский театр «Современник» тоже не нашли в этой роли материала, позволяющего сделать из Луки «отрицательного» героя.

И вот перед нами старик Лука в исполнении Бориса Каширина. Он появляется в тот момент, когда Клещ, Пенел и Бубнов ожесточенно спорят о человеческой совести. Появляется один (где-то отстала сопровождающая нового постояльца Наташа) и молча смотрит в глубину подвала — на людей, с которыми ему предстоит жить под одной крышей.

С кем пришло стокнуться Луке? С умирающей Анной и ее злым безвольным мужем Клещем, с картежником шулером Сатиным и алкоголиком Актером, с прожженным циником Бубновым и вором Васью Пеплом, сутенером Бароном и проституткой Настей, плачущей над sentimentально-бульварным романом «Рокковая любовь»... Опустившиеся, изверившиеся люди, которые и живут-то лишь по привычке, по инерции.

И каширинский Лука начинает действовать. Он мягко, ласково

успокаивает Анну. Внушает Актеру, что ему надо бросить пить (может быть, впервые за многие годы с Актером заговорили, как с человеком). Он по-отечески уговаривает Васю Пепла и Наташу бросить все, соединить свои судьбы и уехать в Сибирь, где так нужны энергичные, смелые люди. Он, наконец, пробуждает что-то давно забытое — светлое и хорошее в убежденном «люмпене» Сатине.

Каковы результаты того, что делает Лука?

Спокойно, тихо, без душевных мук умирает Анна (арт. В. Жмакина). А перед самым концом происходит невероятное: она, мечтающая о смерти, вдруг начина-

ет думать о жизни, ей хочется пожить «еще немножко».

„СВОБОДА—ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО!“

ЗАМЕТКИ О СПЕКТАКЛЕ «НА ДНЕ»

Не случайно сразу же после этого разговора происходит решительное объяснение Пепла с Наташей. Актриса Э. Адамовская показывает нам характер неустоявшийся: Наташа напугана «свищовыми мерзостями жизни», мало верит окружающим, но в то же время ей очень хочется верить во что-то хорошее, настоящее, радостное. Адамовская тонко и точно передает ее душевные колебания в разговоре с Василием. Что будет с этой чистой и честной девушкой? Воспримет ли она то, чему учил ее Лука? Видимо, да: выйдя из больницы, Наташа предпочла «пропасть без вести», а не вернуться, чтобы стать хозяйкой ночлежки. А это уже что-

то значит. Горьковская драматургия сильна еще и тем, что действие, жизнь героев продолжают и после того, как занавес опустился в последний раз, — продолжают в нашем, зрительском, воображении. Думая о Наташе, вполне можно предположить, что она, пережив страшное душевное и физическое потрясение, не теряет хорошие семена, которые заронил в ее душу Лука. Деятельность, работа, борьба — вот что вполне может стать ее уделом.

То же самое и с Пеплом. Да, он, нечаянно убив старика Костылева, попал в тюрьму и теперь отправится в Сибирь не по своей воле. Но перед этим мы слышали его слова: «Я сказал — брошу воровство! Ей-богу — брошу! Коли сказал — сделаю! Я — грамотный... буду работать... Но — я одно чувствую: надо жить... иначе! Лучше надо жить! Надо так жить... чтобы самому себя можно мне было уважать...» (И

это тоже результат морального и духовного воздействия Луки). Артист А. Артемов играет Василия стремительно, темпераментно и яростно — так, что начинаешь верить: в самом деле — выйдет Пепел из каторги и станет честным человеком, а, быть может, и боржом против социальной несправедливости, стихийная неосознанная ненависть к которой есть в нем уже сейчас.

Лука действует на окружающих, «как кислота на старую и грязную монету», заставляет многих вспомнить о своем человеческом достоинстве, о том, что «для лучшего люди-то живут». Влияние это особенно видно на человеке, которому и принадлежит меткое выражение про кислоту, — речь идет о Константине Сатине. Его роль исполнена заслуженным артистом РСФСР, лауреатом Государственной премии СССР А. Щеголевым, исполнена великолепно — ярко, с удовлетворением и с каким-то внутренним

размахом. До общения с Лукой мы видим одного Сатина — человека, до последней крайности опустившегося. Он не помнит, кто и за что его вчера бил, произносит «редкие», но бессмысленные слова, клянит деньги на выпивку, пускается в банальные демагогические рассуждения о смысле труда и т. д. Но вот конец третьего акта. Исчез старик Лука, ушел спокойно и незаметно — так же, как и появился. А Сатин уже не тот. Он умно и смело рассуждает о жизни, о людях, постоянно при этом ссылаясь на слова старика. Именно в этот момент Горький вкладывает в его уста идейный центр пьесы — знаменитый монолог о Человеке, в каждом слове которого — неуемная, страстная жажда свободы. Не случайно многие современники, читавшие и смотревшие «На дне» в канун первой русской революции, именно так восприняли внутренний смысл пьесы. «Свобода — во что бы то ни стало!» — написал тогда К. С. Станиславский, определяя идею горьковского произведения.

Нет, не зря так ненавидят Луку супруги Костылевы. Не случайно так позорителен к нему городской Медведев. Вначале они лишь чувствуют, а потом убеждаются вочую, что этот тихий старик носит в себе нечто опасное для них — собственников и охранителей «богом освященных» устоев жизни. Он во все «мешается», ходит по свету и людей «мутит».

Здесь нет возможности подробно остановиться на каждой из актерских работ.

Несомненно, что талантливая Т. Ожигова сделала из своей Настии надолго запоминающийся образ. Как во сне, медленно и плавно ходит она по сцене, вся где-то там — в выдуманном, нереальном мире. И лишь в конце спектакля, после исчезновения Луки Настя, как бы очнувшись, устраивает свой бессильный бунт.

Народный артист РСФСР А. Теплов исполняет роль Бубнова. Его игра рисует нам фигуру коло-

ритную, не лишенную юмора и все же — мрачную в своем безысходном пинизме. Лишь выпив, Бубнов становится похожим на человека.

Автору этих строк удалось посмотреть тот актерский состав, когда Барона играл В. Мальчевский. Артист создает образ человека, безудержно катящегося вниз. Ничто — никакой Лука, ни сама Революция — не остановит его в этом падении. Он типичный «последний отпрыск» старинной дворянской фамилии. Лишь изредка блеснет в нем нечто человеческое — какая-то теплота, мягкость. Блеснет и пропадет.

Хороши и другие работы: издерганный ханжа и скряга Михаил Костылев (заслуженный артист РСФСР Н. Слесарев), его жена — решительная хищница Василиса (арт. В. Булатова), незадачливый «будопиник» Медведев (арт. А. Сафронов), озлобленный мастеровой Клещ (арт. Ю. Музыченко), неунывающая Квашня (арт. Е. Аросева), смолоду запутавшийся Алешка (арт. П. Бабенко), эпизодические роли.

Вообще новая работа Омского театра драмы — тот, к сожалению, не частый случай, когда хорошо абсолютно все — от первой до последней ноты. Хороши все большие и малые роли, все детали (Алешка с крестом!) Режиссура (Артур Хайкин) ненавязчива, порой просто незаметна — все «ушло» в актеров, в сам дух спектакля.

В унисон с работой режиссера звучит и оформление, выполненное художником Б. Бланком. В нем немало удачных находок: взятая со старой фотографии издательская надпись «Водку не пить, песен не петь, вести себя тихо», закопченная керосиновая лампа огромных, прямо-таки символических размеров, обрывки никому не нужных газет...

Итак, встреча с одним из шедевров отечественной драматургии состоялась. Встреча радостная, умная, ибо прошла она не хрестоматийно, еще раз показав, как безграничны возможности горьковской классики.

А. ЛЕЙФЕР.
НА СНИМКАХ: Сатин (заслуженный артист РСФСР лауреат Государственной премии СССР А. Щеголев), Настя и Лука (артистка Т. Ожигова и народный артист РСФСР Б. Каширин).
Фото Б. ЧИГИШЕВА.

